

ФЕНОМЕН ТЕХНИКИ: ПРОБЛЕМА ИСТОЛКОВАНИЯ В КАЧЕСТВЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ФОРМЫ ПОЗНАНИЯ

В статье предпринята попытка дать гносеологическую интерпретацию феномена техники и его роли в развитии человеческого сообщества как одной из важнейших форм накопления и трансляции культурного опыта.

Ключевые слова: феномен техники; культурный опыт; гносеология; техническое мироотношение; философия техники; техническое знание; культурно-антропологические типы техники

Роль техники в жизни современного общества

Начиная, по крайней мере, с первой половины XX века феномен техники становится одним из доминирующих факторов общественного развития. Научно-техническая революция рубежа XIX–XX вв. создает турбулентные потоки культурно-исторического процесса, мощностные и масштабы влияния которых на жизнь человека и общества в течение всего последующего столетия неуклонно (а в последние десятилетия еще и скачкообразно) возрастают. Комплексное развитие науки и техники, связанная с ним информационная революция конца XX века, сменяющиеся друг друга технологические уклады и нарастающая неопределенность современных цивилизационных процессов, глобальные проблемы современности, в конечном счете обусловленные ростом научно-технического потенциала человеческого сообщества, – все это делает крайне важным философское осмысление феноменов науки и техники, их взаимной связи, роли в развитии современного общества и соотношения с другими культурно-историческими феноменами. Не случайно в этой связи именно в этот период философия техники, также как и философия науки, становится полноценным разделом философского знания, а обсуждаемые в этой связи вопросы оказываются в центре интересов огромного количества исследователей. Более того, вопросы, которые еще на рубеже XIX–XX вв. формулировались основоположниками философии техники, с каждым десятилетием приобретают все большую остроту и к сегодняшнему дню становятся основанием для проявления огромного количества не только философских, но и специально-научных дискурсов. При этом один из ключевых вопросов – что собой представляет феномен техники – сохраняет свою дискуссионность и раскрывается перед исследователями все более и более сложным образом.

В частности, актуальным представляется вопрос о возможности и необходимости рассмотрения данного феномена культуры в качестве самостоятельной формы познания¹.

Предлагаемая постановка вопроса не является распространенной ни в научной литературе, ни в общественном сознании. Техника вполне органично воспринимается в качестве средства познания или его результата, в качестве фактора или следствия осуществления

познавательной деятельности. Она нередко трактуется в качестве формы или способа взаимодействия человека с окружающим миром. Однако в гносеологической плоскости данный феномен как самостоятельная форма познания (наряду, скажем, с мифом, религией или наукой), как правило, не рассматривается. Вероятнее всего это вызвано тем, что, во-первых, инструментальная трактовка техники, являющаяся наиболее распространенной в общественном сознании и в методологическом сознании науки, в частности, в принципе исключает подобную постановку вопроса. И, во-вторых, интерес философского сообщества к изучению техники как самостоятельного феномена культуры сфокусирован на том этапе ее развития, на котором техника оказывается теснейшим образом связанной с наукой, являющейся в этот период (Новое и Новейшее время) доминирующей формой познания. Техника в этом контексте называется «в тени» традиционно изучаемых философией способов постижения человеком мира и рассматривается главным образом как форма и способ его преобразования.

Весьма показательным в этом отношении является то, что в качестве исторически наиболее ранней формы познания в гносеологии, как правило, рассматривается миф. И это несмотря на то, что техника, согласно Х. Ортеги-и-Гассету [2] или, скажем, Б. Штиглеру [6], появляется в человеческой культуре (а точнее, вместе с ней) задолго до возникновения мифического сознания, мифа как феномена культуры. Миф, судя по всему, возникает и развивается вместе с человеческой речью в первобытных общинах высокоразвитых homo, тогда как техника в качестве одного из истоков (прото)человеческой культуры зарождается вместе с появлением первых (невербальных) знаковых систем в виде формы опосредования процессов взаимодействия ранних homo с окружающим миром.

Орудийные формы взаимодействия (прото)человека с миром представляют собой самые ранние внебиологические способы кодирования опыта и, как следствие, его накопления и развития в продолжительной череде сменяющихся друг друга поколений наших далеких предков, что является необходимым условием возникновения культуры, которая вместе с длительным процессом эволюции homo постепенно становится культурой

¹ В данном контексте техника как феномен культуры рассматривается не столько в феноменологическом, сколько в социально-конструктивистском ключе. Реализуемые автором идеи (в том числе феноменологические идеи М. Хайдеггера, Б. Штиглера) получают в данном случае распространенное в социально-гуманитарной литературе (приближающееся к кантовскому пониманию «феномена») «упрощенное» истолкование.

собственно человеческой. Как представляется, именно в этом ключе следует трактовать тезис Ф. Энгельса о том, что труд, а следовательно, орудийная деятельность (и, соответственно, техника) «сделал из обезьяны человека» [4]. Не случайно в этой связи работы К. Маркса и Ф. Энгельса принято относить к трудам родоначальников философии техники.

Возвращаясь к проблеме данного исследования, необходимо зафиксировать критерии рассмотрения, с позиции которых предлагаемая в названии доклада постановка вопроса становится, во-первых, уместной и, во-вторых, актуальной. Другими словами, необходимо, с одной стороны, зафиксировать, что в данном случае понимается под формой познания и какое истолкование техники с данным пониманием соотносится, не вызывая концептуальных расхождений и нестыковок, а с другой – показать, какие теоретико-методологические возможности открываются перед исследователем при истолковании техники в указанном гносеологическом качестве.

Критерии рассмотрения

Познание (в самом широком смысле) – процесс формирования знания, его сохранения/кодирования и передачи с целью последующего использования (как минимум, для его приумножения, развития). При этом знание, если не ограничивать его сугубо теоретическими формами, – это любая обладающая признаками целостности и распознаваемая в этом качестве единица культурного кода, т. е. зафиксированный в виде содержания культуры опыт жизни, деятельности, взаимодействия с окружающим миром. Причем если на ранних стадиях развития культуры этот опыт (и, соответственно, транслируемые его знания) носит преимущественно практический характер, то позднее он начинает включать в себя измерения все больше абстрагирующиеся от практического содержания жизни и деятельности людей, позволяя таким образом расширять горизонты общественной практики в ходе формирования качественно новых культурных феноменов.

В этом плане под формой познания понимается типологически, исторически, культурно или функционально вычленимый на фоне других комплексов действий, направленных на получение, сохранение и трансляцию культурного опыта или, шире, содержания культуры.

В качестве доминирующих на тех или иных исторических этапах форм (или способов) познания в гносеологии традиционно выделяют миф, религию, искусство, философию, науку. Техника в этом ряду, как правило, не упоминается. Вместе с тем исследуемые, к примеру, Б. Штиглером процессы эпифилогенеза [6] предполагают истолкование техники в качестве «медиатора» между природным и социальным, который делает возможным появление культурной памяти, т. е. служит той самой «формой познания», о которой шла речь выше.

Как следствие, важно понять, что Б. Штиглер понимает под техническим основанием (“technical domain”) человеческой культуры. А учитывая, что он основывается в своих выкладках на исследованиях М. Хайдеггера,

который, в свою очередь, параллельно с Х. Ортегой-и-Гассетом закладывает основания деятельностной и антропологической трактовки техники [2; 3], доминирующих вплоть до настоящего времени в, так называемой, гуманитарной философии техники, то речь в данном случае идет не о каком-то отдельно взятом авторском понимании феномена техники, а о широко распространенном в современной философии направлении исследований, в рамках которого предлагаемая в докладе постановка вопроса становится, как минимум, оправданной.

Вообще, все многообразие существующих в научной литературе подходов к определению техники¹ с некоторой долей условности сводится к трем типам определений:

1) инструментальная трактовка техники, в рамках которой на первый план выдвигается артефактное или инструментальное измерение феномена (техника как орудие, инструмент, производственный комплекс и т. д.);

2) деятельностная трактовка, в которой акцент делается на алгоритмах деятельности, системе действий или практико-ориентированном знании о том, каким образом использовать то или иное орудие для достижения практически значимой цели;

3) когнитивно-антропологическая трактовка, определяющая технику через способность (человека) вычленивать практически значимую цель, соединяя ее с определенными средствами и способами их применения в ходе достижения требуемого результата. В этом случае на первый план выдвигается тип мироотношения [3], антропологический тип – способ быть человеком в рамках определенной культурно-исторической ситуации [2].

При этом, как правило, ни один из подходов не отрицает того обстоятельства, что техника как феномен (или часть) культуры включает в себя инструментальное, деятельностное и когнитивное измерения. Споры главным образом идут о том, что считать основой определения и какие «пограничные» ситуации подпадают под такое определение, а какие – нет. Считать ли, к примеру, техникой наряду с разного рода машинами технику танца или восточных единоборств? Или здесь одно и то же слово используется для обозначения совершенно разных понятий? Есть ли техника в первобытном обществе или это феномен, возникающий в эпоху Нового времени в связи с появлением характерного для новоевропейской культуры типа отношения человека к миру, как об этом пишет, в частности, М. Хайдеггер [3]?

Будем исходить из того, что техника – это комплексный феномен культуры, включающий в себя все названные выше измерения и в этом плане предполагающий наличие 1) артефактной составляющей, 2) практико-ориентированного знания, которое при помощи нее кодируется и декодируется, реализуется в ходе достижения конкретного результата, и 3) такого отношения к миру, в рамках которого подобный результат идентифицируется в качестве практически значимой цели, достижимой путем соединения на практике орудия и знания о том, как его использовать.

Такое понимание техники очевидным образом допускает ее истолкование в качестве самостоятельной,

¹ Весьма содержательный анализ этого вопроса представлен в кн. А. А. Воронина «Миф техники» [1, с. 34–71].

более того, доминирующей на определенном этапе развития культуры формы познания. Теперь необходимо понять, что дает такая постановка вопроса, какие теоретические возможности открываются в рамках подобной перспективы рассмотрения.

Заключение

Истолкование техники как самостоятельной формы познания позволяет сфокусировать внимание на таких важных гранях данного феномена, как, во-первых, проявление техники в качестве «генератора» проблем. Техника, выступая в виде способа решения проблем, в то же время служит источником развития самосознания человека, расширяет поле возможностей человеческой культуры и в этом процессе генерирует все новые и новые проблемы. Причем понимание механизма «генерации проблем» на современном этапе общественного развития становится особенно важным в связи с осмыслением тематики глобальных проблем современности. Во-вторых, при сопоставлении техники и науки как изначально самодостаточных, но при этом взаимно интегрированных сегодня культурных феноменов и форм познания по-новому раскрывается тематика развития методологической культуры мышления в современной науке и, в частности, вопросы, связанные с, так называемой, конструктивистской методологической установкой, когда критерии научности, применимые для научно-технических изобретений, с одной стороны, и научных открытий – с другой, неожиданным образом «соединяются» в рамках нового (постнеклассического) представления о научном факте, научной теории, парадигме и процедурах доказательства, обоснования научного знания. В-третьих, обращение к предметному, артефактному измерению техники как к культурному коду – способу кодирования технического знания (определенных алгоритмов деятельности) позволяет в полной мере задействовать

потенциал социально-конструктивистского подхода к истолкованию современных проблем философии техники. В частности, с такой постановкой вопроса связан опыт этического осмысления интенциональных подтекстов информационно-технических решений, когда роль информационных технологий в обществе начинают осмысливать исходя из анализа социально обусловленных паттернов действия, ответом на которые являются те или иные технические решения и которые при этом остаются «за кадром», не принимаются во внимание при анализе рисков технического развития¹. Наконец, обращение к вопросам трансляции и применения знания, опредмеченного посредством технических устройств (орудия, инструменты, системы и пр.), позволяет артикулировать проблему сосуществования разных культурно-антропологических типов техники. Это тема, которую весьма пронизательно поднимает в своей программной работе Х. Ортега-и-Гассет [2] и которая, тем не менее, вплоть до настоящего времени остается на периферии философского изучения техники как феномена культуры. Узкое европоцентристское понимание техники отбрасывает настолько густую «концептуальную тень» на проблему культурно-антропологического разнообразия в отношении данного феномена, что она (эта проблема) становится практически неразличимой, в то время как ее осмысление позволяет не только по-новому взглянуть на многие исторические реалии, но и, что особенно важно, найти ценные ресурсы для решения современных проблем, причем проблем отнюдь не только научно-исследовательских.

Подводя итог, необходимо отметить, что формат данной работы позволяет лишь тезисно обозначить те концептуальные возможности, которые открываются при истолковании техники как самостоятельной формы познания. Эти тезисы рассматриваются в качестве повода для дискуссии и, конечно, требуют дальнейшего раскрытия и обоснования.

Литература

1. Воронин А. А. Миф техники. – М.: Наука, 2004.
2. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. – М.: Весь мир, 2000. – С. 164–232.
3. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 221–238.
4. Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. – М.: Политиздат, 1961. Т. 20. – С. 486–488.
5. Introna L. D. Maintaining the Reversibility of Foldings: Making the ethics (politics) of information technology visible // *Ethics and Information Technology*. – 2007. – No. 9(1). – P. 11–25.
6. Stiegler B. *Technics and Time. Tom 1: The Fault of Epimetheus*. – Stanford: Stanford University Press, 1998.

¹ Подробнее об этом см., например, проект развития «этики, срывающей покровы» («disclosive ethics») [5].